

(У, 100). Чудовищная мощь воинственных турок, с одной стороны, и горсточка, 5-тысячная „дружина малая“, как будто бы даже испуганных казаков — с другой. Читатель заинтересован, даже взволнован необычайностью этого контраста, но он не знает еще, почему же и во имя чего началась эта неравная борьба.

Для разъяснения исторических причин и политических целей борьбы за Азов автор, следуя манере войсковых отписок, вводит изумительные по своей идейной выразительности, эмоциональной напряженности и литературно-публицистическому мастерству „речи“, которыми обмениваются противники. Основное „сюжетное“ содержание „речей“ не представляет чего-либо особенного: турки предлагают различные условия сдачи Азова, казаки их отклоняют. Но этот прием воспроизведения в повести как бы подлинных переговоров использован автором с таким мастерством и живостью непосредственного чувства, что создается настоящее художественное выражение основных моментов идеологии донского казачества данной эпохи.

Жанр повести — „отписка“ уже предполагает не какое-либо отвлеченное повествование („не ведая ни жалости, ни гнева“), но политически целеустремленное воздействие на адресата. Для подлинной отписки корреспондентом было Войско, а адресатом царь Михаил, для поэтической же „отписки“ адресатом были московские ее читатели, обсуждавшие в это время проблему Азова, а корреспондентом — внешне оставалось то же Войско, но по существу им становился лично автор, говоривший от имени Войска.

Устами турок, в качестве особо убедительного признания как бы самого врага, автор раскрывает перед московским читателем стратегическое и политическое значение взятия Азова казаками в 1637 г. Они говорят казакам: „Разделили вы. . . царя турского тѣм Азовым городомъ со всею ево ордою крымскою и нагайскою. . . разлучили его с карабелным пристанищем. Затворили вы все море синее (Черное — Б, 133), не дадите проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморские города. . .“, захватили в Азове „и рыбной двор“ (У, 101). После долгих укоров и традиционных риторических угроз турки меняют тон и предлагают казакам перейти на службу к султану. Брань уступает место особо почетным именованиям защитников Азова: „богатыри святорусские“, „Дону славного рыцари знатные, казаки избранные“. Уважение, которое будто бы сами турки оказывали своим врагам, как бы намекало читателю на всю несправедливость презрения к казакам — „беглым холопам“ со стороны московского боярства.

Ответная „речь“ казаков — это целая политическая программа Войска — строится автором как последовательно развернутая антитеза к посланию турок. Если в турецком „слове“ в соответствии с реальной политикой Турции этого времени¹ проявлена была циничная беспринцип-

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. I, стр. 16.